

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ГЕДОНИСТ Д. ЮМ И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЛЮБОВНОМ АФФЕКТЕ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ

Автор исследует вопрос о значении теории косвенных моральных чувств Д. Юма, прежде всего любви и ненависти, выделяя любовный аффект, или половую любовь, как представление о ней, предвосхитившее свое понимание в мировой философии и оказавшее огромное влияние на понятие любви и пола как эмпирических составляющих человеческой природы и ее единения с духовным началом.

Ключевые слова: эмпиризм, любовный аффект, пол, человеческая природа, личность.

XVII–XVIII вв. – время крупных перемен в жизни Европы. Сдвиги в образе жизни, системе ценностей, духовном мироощущении нашли свое отражение в новой проблематике и стиле философии. Важным событием, определившим характер и направленность философской мысли, стала научная революция. Философия должна была осознать смысл и масштаб происходящих перемен и, отвечая ходу событий, ввести современников в новый мир, мир с иным местоположением самого человека и его отношением к природе, обществу, самому себе и Богу.

Новый духовный мир выстраивался и обживался людьми с трудом, в конфликтах и столкновениях. Освобождение от власти прежних традиций требовало мужества, усилий и значительного времени. Прошлое властно сказывалось и на тех, кто прокладывает пути в этот новый мир.

«Едва ли чей-нибудь литературный дебют был менее удачен, чем мой» Трактат о человеческой природе». Он вышел из печати мертворожденным, не удостоившись даже чести возбудить ропот среди фанатов» [1; 68], – замечает Д. Юм в своей автобиографии, написанной накануне смерти. Оценивается современными специалистами эта работа как наиболее «зрелая, обдуманная и превосходная во всех деталях». Но мир еще, вероятно, не был готов к восприятию этого «Ньютона моральной философии». XVII и XVIII века в Европе часто именуют эпохой Просвещения, где и появляется целая плеяда писателей-моралистов (Ларошфуко, Лабрюйер, Шамфор, Вовенарг) и философов как Ламетри, Монтескье, но все же философская система Д. Юма имеет свои особенности.

Продолжая традиции классической философии эмпиризма, которая в целом исчерпывает свои логические возможности, философия Юма оказалась своего рода конечным пунктом в развитии эмпиризма. В ближайшее за Юмом столе-

тие его представителям не удалось внести сколько-нибудь существенного вклада в его развитие. Аргументы Юма сыграли важную роль в дальнейшем развитии европейской философии и до настоящего времени продолжают оказывать влияние на все важнейшие направления философии XX–XXI века – аналитической традиции, феноменологии, постмодернизма.

Философия Юма – это прежде всего его теория познания. В процессе ее формирования Юм отклоняет и материализм Локка, и религиозную догматику Беркли и создает мировоззрение, соответствующее как трезвому практицизму английского буржуа XVIII в., так и его боязни всяких «крайностей», его стремлению к компромиссам, однако компромиссам, выгодным для него.

Вся теория познания Юма строится на анализе соотношения элементов человеческого опыта, которые он именуется впечатлениями и идеями, те и другие у него объединены общим термином «перцепции» (восприятия).

Идея о том, что моральные характеристики проистекают отнюдь не из разума, но из чувства, была заимствована Юмом от А. Шефтсбери. Вслед за ним Юм сосредоточил внимание на анализе мотивации поступков, а не самих поступков, подлежащих моральной оценке. Люди, полагает Юм, отличаются с моральной точки зрения именно свойственными им эмоциональными оценками собственных мотивов поведения, отражающими их моральный характер. Моральность оказывается у него следствием субъективной установки людей.

Эмоции и их различные соотношения Юм детально описывает во второй книге «Трактата». Он оперирует своеобразным набором аффектов и соответственно этических категорий. Среди них отсутствуют долг, совесть, счастье и ряд других.

В своем анализе Юм далеко не отчетливо различает психологические, этические и право-

вые категории, моральные и эстетические чувства. Рассматриваемые им моральные чувства он делит на прямые (желание и отвращение, надежда и отчаяние, радость и печаль и др.) и косвенные (гордость и униженность, любовь и ненависть, благожелательность и злорадство и др.). Большого интереса заслуживает теория косвенных моральных чувств, из которых он создает так называемый квадрат аффектов, накладывая на него логически квадрат Михаила Пселла, математика XII, который наглядно демонстрирует эти сравниваемые пары аффектов. «Аффекты гордости и униженности, с одной стороны, любви и ненависти – с другой, связаны друг с другом тождеством своего объекта, которым для первой пары аффектов является наше «Я», а для второй – какое-нибудь другое лицо... гордость и любовь – приятные аффекты, а ненависть и униженность – неприятные» [1; 446]. Аффекты именно второй рубрики довольно отчетливо связаны с представлением о собственной или иной личности, и определение личности как пучка перцепций очень мало соответствует учению Юма об этих аффектах. Но именно косвенные аффекты в центре его внимания.

Развивая эту идею в главе 11 ч. II трактата «О любовном аффекте или половой любви», Юм подчеркивает, что именно любовь между полами в силу своей пылкости и силы наиболее ярко демонстрирует его представление об аффектах как философски значимых. Половую любовь он расценивает как соединение трех различных впечатлений, или аффектов, а именно: «...приятного ощущения, доставляемого красотой, физического влечения к размножению и доброго расположения или доброжелательности» [1, 533].

В эпоху Нового времени, к которой принадлежал Д. Юм, происходит не только новое переосмысление мира, но и новое переосмысление проблем любви и пола. Развивались механика и математика. У Декарта возникает психологически-механистическое определение любви. Он практически не различает любовь к представителю противоположного пола и любовь как чувство обладателя за многие годы любовно собранной библиотеки.

Любовь в представлении его современников Т. Гоббса и Д. Локка есть сильное желание приятного, только и всего [2, 114]. Декарт стремился продемонстрировать прежде всего максимально беспристрастную, подлинно рационалистическую объективность. Впрочем, это неудивительно. Зарождался век мануфактур и техники.

Г. Лейбниц был убежден в том, что нет телесного без духовного, как и наоборот. Поиски какой-либо жесткой границы между двумя видами любви (себялюбие и любовь к Богу) антигуманны в самой своей основе. Просветительские устремления Г. Лейбница получили развитие и на французской почве. Проблема божественной любви все более оттеснялась на задний план. Так, Ламетри не находил принципиальной разницы между животным инстинктом совокупления и человеческим чувством.

Отверг идеалистическую и нежизненную конструкцию чисто духовной, а по существу бесполой любви и В. Гумбольдт. Разделение человечества на два пола он связывал не только с биологической целесообразностью, «но и с тем исключительно важным, по его мнению, обстоятельством, что это разделение является источником таких огромных и разнообразных возможностей обогащения и развития многоцветия человеческой культуры, которые в противном случае никогда не могли бы появиться даже в зачатке» [2; 122–123].

Юм наполняет представления об аффектах любви и ненависти у человека большим социально-реальным чувством, чем его современники, полагая, что все культурные общества, располагая различными формами любви, характеризуются этим субстанциальным чувством, несводимым ни к какому роду ценностей. Такая любовь есть прежде всего как бы мера человечности. Ведь независимо от социального строя и даже традиций она всегда есть. И это признает Д. Юм. «Любовь, – пишет он, – беспокойная и нетерпеливая страсть, полная капризов и перемен, она возникает мгновенно из мелочи, из воздуха, из ничего и вдруг исчезает подобным же образом» [1; 701]. Вероятно, потому что любовь как аффект, как моральное чувство находится у самих истоков существования человека. Его психологическая защищенность и уравновешенность, его способности и таланты закладываются материнской любовью. И все культурные эпохи человечества действительно характеризуются неким инвариантом, остающимся неизменным. Это любовь как видение идеальной основы личности.

Личность – это ничем не подменяемое и до конца неразложимое духовно-телесное единство, включающее в себя многообразие и дополняемость друг другу различных «Я». Возможности самопознания безграничны, и не надо думать, что человек – цель творения.

В космическом целом далеко не все выглядит так, как наша Земля. Вместе с тем подлинная личность осознает материально-природные границы своих действий и последствия своего покорения природы, в том числе и природы тела.

Личность, не думающая о границах своего образа действовани^я, как бы направляет природное «острие» против самого себя. По теории Юма наше «Я» является объектом (по квадрату аффектов) гордости и униженности, а другое лицо – объектом аффектов любви и ненависти, но ни «Я», ни другое лицо не могут быть причинами данных аффектов, нужна и еще одна причина – это впечатления и идеи, которые могут привести в действие указанные принципы и придать им силу. Это положение Юм демонстрирует на примере влечения к размышлению: «Пол является не только объектом, но и причиной указанного влечения; мы не только обращаем свой взор на (существование другого) пола под влиянием этого влечения, но мысль о другом поле достаточна, чтобы возбудить само влечение» [1; 535]. Данная причина со временем утрачивает свою силу вследствие частого повторения или «дурной бесконечности», и нужен какой-то новый толчок, и этот новый толчок, по теории Юма, может исходить от, например, «красоты лица», т. е. от двойного отношения впечатлений и идей.

Красота представляет собой нечто чисто субъективное. Ее источник следует искать в индивидуальном сознании человека, а не в объективной действительности. «Прекрасное – не есть качество, существующее в самих вещах, оно существует исключительно в духе, созерцающем их, и дух каждого человека усматривает иную красоту», – пишет Д. Юм в своем эссе «О норме вкуса».

Сходные воззрения развивают также И. Кант, И. Фолькель, Т. Липс, Б. Кроче и др. Эти взгляды отличаются типичными гносеологическими признаками субъективного гносеологизма. Они ищут разгадку тайны в непостоянстве и разнообразии индивидуального вкуса людей.

Красота, эта хрупкая ценность нашей культуры, надо все-таки признать, предполагает наличие двух сторон: объективной и субъективной. Человек созерцает определенные вещи, процессы, явления, доставляющие ему наивысшее удовольствие. Это наслаждение возникает от удовлетворения не телесных, а духовных потребностей, психических устремлений социальной жизни. Красота адресована человеческому сознанию как высшая форма освоения действи-

тельности, и ее характерные черты внутренне присущи духовному прогрессу общества.

Все это позволяет понять, почему красота является фактором любовного «средства», постоянным высшим стимулом любви. Эстетизация одухотворяет телесные формы полового влечения и человеческого воспроизводства. С незапамятных времен она интимно, тайно содействует биологической и социальной целесообразности, всегда приводя к половой связи не прямо, с животной бесцеремонностью, а по сияющим тропам красоты, эмоционального трепета, эстетического созерцания, радости. Непосредственное чувственное очарование и жизненная полнота озаряются сиянием духа. Само тело становится выразителем сознания.

Эстетизация, присущая любви, возвышает созерцание красоты человеческой сущности как пролога половой близости. Чем выше культура человека и чем богаче он по своим духовным качествам, тем более эстетизирована его любовь.

Мужчина и женщина, озаренные любовью, всегда воспринимают друг друга сквозь призму взаимной идеализации духовного орнаментирования. Они видят, или им кажется, что они видят, друг в друге все лучшее, прекрасное, чтобы не сказать – божественное.

Глубокую связь между взаимной эстетизацией и половой любовью отличают многие философы и исследователи. Д. Юм говорит, что «красота возбуждает физическое влечение». Но эта объективная зависимость имеет и обратную сторону. «Само физическое влечение заставляет человека видеть в объекте своих чувств большую красоту, чем при обычном восприятии действительности» [1, 533–534].

По всей вероятности, возникновение пола также коренится в мироупорядоченности и формируется в определенном соотношении. Пол не может возникнуть из одной только любви или ненависти, из смешения или разделения смешанного. Тайна пола заключена в сущности и мужчины и женщины. Если смотреть в корень вещей, то «не Вражда, а Любовь разведи^няет элементы, которые по природе своей первичнее богов, да и сами они боги» [3, 428].

Эрос человека так же человечен, как и его этос – привлекательность и красота духовная, этическая. Пол как единство физического и духовного наиболее полно проявляется в любви человека, в этой сущностной его силе. Однако сущностный характер пола проявляется прежде всего в теле, преображенном духовностью, в пло-

ти, пронизанной духом. Идея преобразования человеческого тела не сводится ни к слиянию, ни к противопоставлению душевного и телесного. Пол человека, его половая привлекательность и красота основываются на отношении взаимопределения духа и тела. Процесс одухотворения телесного и связанная с ним культура пола зависит прежде всего от развития свободы, и причем не только духовной. Молодой К. Маркс рассуждал вполне правильно, когда писал, что к «свободе относится не только то, чем я живу (т. е. мои планы, мечты, духовные потенции и стремления), но также и то, как я живу» [4,68].

Эта идея свободы как составляющей любви проходит основным лейтмотивом и другого произведения Д. Юма: эссе под названием «О многоженстве и разводах». Многочисленные эссе его известны даже более, чем основные его произведения (их известно около 49). Эссе по своим методологическим принципам отличаются от «трактата», но в той же примерно мере, в какой отличаются от него «первое» и «второе исследование», отражая как стремление Юма писать для более широкого круга читателей, а значит, популярно, так и его нарастающее разочарование в концепциях личности как пучка перцепций, ассоциативного принципа, автономного действия принципа симпатии. Тем самым они знаменовали дальнейший переход Юма к «смягченному» варианту скептицизма, но отнюдь не отказ от агностического мировоззрения вообще.

Доказывая негативное значение многоженства и разводов, Юм, предвосхищая процессы, происходящие в современном социуме, говорит о равенстве полов, как о свободе мужчин, так и о свободе женщин в отношениях.

«...Верховная власть мужчины является подлинной узурпацией и разрушает ту близость в положении, если не сказать равенство, которую природа установила между полами» [5; 697].

В подлинно человеческой любви только реализуется индивидуальность, раскрываются все сильные, духовные стороны пола человека. Любовь и есть такое состояние личности, когда в ней достигают своего объединения пол и человек, дух и тело.

На сегодняшний день состояние половой энергии человечества далеко от идеалов. В области полов фактически наблюдается отчуждение между полами. Откровенная мужская доминация, часто сопровождающаяся высокомерным отношением к женщине как к низшему существу (у Юма: «если женщины не могут рас-

поряжаться собой, а продаются и покупаются как самые презренные животные...» [5; 697]), странным образом сосуществует в современном мире со скрытым господством низших женских идеалов, представлений и ценностей. Усиленное стремление к эмансипации и профаническое равноправие, за которое сражаются многие женщины, в сущности есть бегство от собственного пола, но на отечественной почве пока еще не переросло в необратимую фазу взаимного отчуждения и войны. Вместе с тем понятно, что любая социальная смута, общественные катаклизмы порождают разгул половых страстей. Падение нравов, пропаганда нестандартных сексуальных ориентаций, апология вульгарности, анархо-коммерческая антикультура секса, ошеломляющая своей вакханальностью, – все это соседствует с другой тенденцией, связанной с угасанием двойной морали (гусарской для мужчин, монашеской для женщин), с уменьшением невежества и предрассудков, с ростом влияния сексологии и полового просвещения.

Начинает формироваться гуманистическая культура любви. Она углубляет личностные отношения между людьми, насыщая их глубокой духовностью. Ведь и человек разделен по половому признаку (секс означает «разделенный»), чтобы реализовать возможность встречи с любовью.

Феномен полового разделения подразумевает обретение духовного начала. «Сексуальная реальность, – констатирует А. Менегетти, – дает возможность достичь адекватного измерения «Я» и того чувства, что приближает к жизни в целом» [6; 12].

Современная любовь становится более богатой и всеобъемлющей. Глубокое интимное влияние определенной личности, ее восприятие в качестве единственного объекта чувств перестало быть обязательным.

К. Крыстев указывал на главные причины исчезновения «индивидуальной любви»: 1) постепенный отход от индивидуума в современную эпоху, демократизация социальной жизни, уравнивание личностей; 2) большая интимность и близость мужчин и женщин, возросшая культура человека или, другими словами, то, что в конечном итоге лишает избранника, избранницу «волшебного ореола» [7; 301].

Но жизнь не подтвердила такой подход к проблеме, и он в более широком плане совсем не нов. В свое время Д. Юм подчеркивал, что «утонченность вкуса благоприятствует любви и дружбе и ограничивает наш выбор немно-

гими людьми, делает нас безразличными к обществу большинства людей» [5; 570]. Более высокий уровень культуры сопровождается большими трудностями при выборе объекта любви. Вкус человека постепенно становится более изысканным, повышаются индивидуальные требования к избраннику.

Эта неуклонная прогрессивная тенденция в человеческих отношениях является существенным моментом в развитии современной культуры.

Отдавая должное морали Д. Юма, можно сказать, что она результат определенных тенденций в истории английской этики Нового времени, началом которых можно считать попытку Ф. Бэкона построить систему нравственности на основе «героики» души. Вполне естественно, что после устранения Бэконом, Гоббсом и отчасти Локком религии как основы морали возникла проблема ее обоснования. Этим вопросом были заняты все этические теории. Но тогда все они в одинаковой степени оказались неподготовленными к решению этой задачи.

Внеисторический и идеалистический подход к такому сложному явлению, как нравственное сознание, с необходимостью породил стремление вывести нравственность из естественных, но вечных и неизменных побуждений, склонностей и инстинктов человека. В итоге нравственная проблематика оказалась растворенной в психологии, причем в психологии механистической, внеисторической и идеалистической, как у Шефтсбери и Хатчесона. Эмпиризм и метафизика способствовали тому, что Юм стал автором теории морали, которая отрицала не только религиозное суеверие и фанатизм, но и разум. Освобожденная от тисков религии нравственность в его теории оказалась в плену у слепых аффектов, страстей и неразумных желаний.

Каждый философ – сын своего времени, в котором ему пришлось жить и действовать, воспитанный не только общим уровнем культуры, накопленным миром ко времени его появления на свет, но и конкретными обстоятельствами собственной биографии; есть история у каждого человека – и есть своя история у каждого его произведения.

28.04.2011

Список использованной литературы:

1. Юм Д. Сочинения в 2 т. М.: Изд-во «Мысль», 1965. Т. 1. – 847 с.
2. Нарский И. Тема любви в философской культуре нового времени // Философия любви. Ч.1. М.: Политиздат, 1990. – 605 с.
3. Аристотель. Сочинения в 4-х т. – М.: Мысль, 1975-1984. Т. 1. – 550 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956. – 689 с.
5. Юм Д. Сочинения в 2 т. М.: Изд-во «Мысль», 1965. Т. 2. – 928 с.
6. Менегетти А. Мотивация комплекса взаимосвязи «мужчина – женщина» // Онтопсихология. С.-Петербург, 1996.
7. Кръстев К. Психология на съвременната любов // «Философски преглед», т.IV, София. Изд-во Наука и изкуство. №4. 1997.

Сведения об авторе: **Баранова Ольга Михайловна**, доцент кафедры социальной философии Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент 460018, Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2213, тел. (3532) 372583, e-mail: copermain123@ya.ru

UDC 13. «17»

Baranova O.M.

Orenburg state university, copermain123@ya.ru

EMPIRICAL HEDONIST D. HUME AND HIS IDEA ABOUT A LOVE AFFECT IN HUMAN NATURE

The author explores the significance of the theory of indirect moral sentiments by D. Hume, first of all love and hate, highlighting the affect of love or sexual love, as a representation of it, anticipating its understanding in world philosophy, and has had a tremendous impact on the concept of love and sex as empirical components of human nature and its unity with the spiritual principle.

Key words: empiricism, love affect, sex, human nature, personality.

Bibliography:

1. Jm D. Sochinenija in 2 t. M. Izd-vo «Thought» 1965. T.1. – 847 with.
2. Narsky I. Tema of love in philosophical culture of new time // love Philosophy ч.1 M: The state political publishing house 1990. 605 with.
3. Aristotle. Compositions in 4 t. – M: Thought 1975-1984. T.1. – 550 with.
4. Marx K, Engels F. Iz of early products – M: The state political publishing house. 1956. – 689 with.
5. JM D. Sochinenija in 2 t. M, Publishing house «Thought» 1965 T.2. – 928 with.
6. Menegetti A. Motivatsija of an interrelation complex «the man – the woman» // Ontop-sihologija. St.-Petersburg, 1996.
7. Krstev K. Psihologija of modern love. – «A philosophical sight», t. IV, Sofia. Publishing house the Science and art. №4. 1997.